

ЖИЗНЬ как есть

Алексей БЕЛЯКОВ

«Зайцы» в законе

Уже в этом месяце вологодским пенсионерам начнут выдавать специальные удостоверения для бесплатного проезда в общественном транспорте. В Вологде их можно будет получить в городском собесе.

С 1 декабря право льготного проезда получают почти 40 тысяч пенсионеров области, не удостоенных звания «Ветеран труда», но имеющих определенный трудовой стаж: мужчины – 40, женщины – 35 лет. Льгота будет действовать до конца 2003 года. Расходы, связанные с покрытием убытков транспортных организаций, возьмет на себя областной бюджет.

Однако самих перевозчиков это отнюдь не радует, так как с ними еще и по старым долгам не рассчитались. А так как компенсация за льготников всех затрат на их перевозку не покрывает, то, по мнению руководителей вологодских транспортных организаций, уже давно следует перейти от социальных льгот на денежные компенсационные выплаты.

В одной из российских областей провели интересный эксперимент. Различным категориям льготников выдавали на проезд в общественном транспорте разноцветные талоны. Каждой категории – свой цвет. Например, милиции – красный, военным – зеленый, пенсионерам – желтый и т.д. В конце определенного периода по этим талонам подсчитали, сколько денег нужно для того, чтобы компенсировать затраты на их перевозку. И схватились за голову – сумма получилась заоблачной.

На Вологодчине льготных категорий более пятидесяти. Поэтому вологодские транспортники считают, что решение о предоставлении льгот еще одной категории граждан – решение чисто популистское. Да и тот факт, что период действия новой льготы по срокам совпадает с местной предвыборной кампанией, вероятно, не случаен.

Тем не менее число льготников на Вологодчине растет. На днях губернатор отдал распоряжение рассмотреть возможность бесплатного проезда в 2003 году студентам вузов.

И напоследок. Директор вологодского ПАТП-1 Евгений Нестеров поведал мне, что если бы все платили за проезд – и льготники, и «зайцы», то сегодня бы билет стоил полтора рубля, а не четыре.

Рис. Олега ХРОМОВА.

Людмила ГУК, Александр ПОЛИЦИНСКИЙ (фото). Великий Устюг

Такая сказка - чернь...

Даже страшно представить: у нас были все шансы о великоустюгском черненном серебре говорить лишь в прошедшем времени: в двадцатых годах – уже прошлого – века оставался единственный (!) в мире человек, знавший секреты приготовления этого загадочного, по сию пору известного лишь нескольким специалистам состава – черни. Счастье, что устюжанин Михаил Чирков дожил до преклонного возраста. Счастье, что в Москве спохватились и вспомнили о некогда процветавшем северном промысле. Счастье, что нашлись молодые люди, способные подхватить традиции, научиться ремеслу, к которому раньше и отношения-то никакого не имели. И, наконец, счастье, что старый мастер не заупрямился, не закапризничал, а взялся за кропотливое обучение подмастерий, которые уже в недалеком будущем не только возродили промысел, но и умножили его славу. Воистину, как теперь говорят, вскочили мы в последний вагон...

Немыслимо даже в самой большой статье рассказать о «Северной черни» даже десятую долю того, что можно рассказать о великолепных мастерах, создающих в буквальном смысле произведения искусства. И чтобы «не растечься мыслию по древу», начнем с начала – с художников. Именно они придумывают и до самого конца «ведут» нескончаемую череду посуды (ей-богу, даже представить страшно, что из этой-то красоты можно просто есть), кубков, шатулов, женских украшений (да и мужских – тоже), драгоценной церковной утвари, которой так восхитился недавно сам Патриарх, и великого множества сувениров, хранящих неповторимый колорит Великого Устюга и его природы.

От веку люди, посвятившие себя чернению серебра, оттачивали только русскому Северу свойственный стиль рисунка и орнамента. Не зря известный итальянский коллекционер Луиджи Инграми считает браслет и стакан, выполненные в середине XIX века великоустюгским мастером М. Кошковым, и табакерку А. Торлова (XVIII век) жемчужинами своей коллекции. «...Михаил Кошков был, вероятно, наиболее искусным... и последним из великих мастеров», – писал итальянский бизнесмен, многие годы потративший на то, чтобы собрать свою коллекцию.

С одной стороны, Луиджи Инграми, как немногие, досконально изучил историю русской черни в целом и великоустюгской в частности, и мнению его можно доверять. А с другой... Время идет, меняются наши представления о прекрасном, и лишь снобы от искусствоведения легко отмахиваются от новых веяний, считая «лишь старое настоящим». Едва не потеряв рецепт самого состава черни, устюжане ни на грамм не упустили из своих рук то, что мы «по науке» называем эстетическими основами. Нет, синьор Инграми, даже на таком титане, как Кошков, прелесть черненных серебряных вещей не

кончилась. Пришли другие мастера. Приходят другие мастера.

Двадцатый век принес с собой бурю, швыряя народ из крайности в крайность. Искусство было поставлено под начальственную руку идеологии. Именно в разгар «гегемонии, диктатуры и сверхбдительности» возродился из пепла старинный русский промысел. И именно тогда пришел – еще в артель «Северная чернь» – график Евстафий Шильниковский. Бывший студент Академии художеств, ученик знаменитого Василия Матэ, приехал в провинциальный городок, на родину, еще тогда, когда гражданская война повывела из мастерских львиную долю российских художников. А тут, в Великом Устюге, – первые пробы воссоздания некогда знаменитых серебряных изделий. Он загорелся. Изготовил десятки, сотни эскизов. Наверное, только художник поймет до конца, как непросто от станковой графики переходить к прикладному искусству, подчиняться иным законам, связывать себя необходимостью придерживаться традиций. Но и целиком и полностью копировать стиль работ предшественников, даже самых великих, Шильниковский не хотел. Да и не мог. Он был художником, и этим все сказано.

Идеи, претворенные в эскизах, подчеркнутая сюжетность, сложный орнамент, который зачастую вплетался в основной рисунок, добавили хлопот мастерам чернения. Ну да никто и не горевал. Упрямые устюжане добивались-таки изощренной прорисовки каждого штриха. На Парижской выставке в конце тридцатых годов посетители, увидев столовый набор Шильниковского, разевали рты. Невиданно: на ложках, ножах, водочных стопках и даже салфеточных кольцах разместились едва ли не все персонажи пушкинских сказок! Большая Серебряная медаль – свидетельство признания не только самого художника, но и мастерства гравиров, ювелиров и тех, что чернил ставший в одночасье знаменитым столовый набор.

...Сотрудники музея завода бережно переносят большую коробку, обшитую бархатом, на стол. Мы помогаем установить на драпировке предметы из набора таким образом, чтобы Александр Полицинский, фотокорреспондент из Великого Устюга, смог передать на пленке каждую линию сложнейшего рисунка. Руки у нас предательски трясутся: не каждый день берешь в ладони посуду стоимостью в

миллион долларов (и, говорят, это еще весьма и весьма приблизительная цена). Ну наконец-то! Ничего не уронили и даже отпечатков пальцев не оставили на позолоте ножей и вилок. Коробку уносят в хранилище. Не дай Бог, когда-нибудь кто-то решится продать бесценное сокровище. «Ни в коем случае!» – говорят на заводе. Скорее мир перевернется, чем набор перейдет в чьи-то руки, пускай даже самого богатого человека на свете.

Евстафий Павлович за долгие годы работы главным художником «Северной черни» создал еще немало великолепных, совершенно уникальных изделий. В частности, серию предметов на темы басен Крылова или сказки Ершова «Конек-Горбун». Да разве возможно хотя бы приблизительно перечислить все, что было придумано и затем переведено на серебряную поверхность волшебником с неизменной бородкой клинышком? Творчеству Шильниковского посвящены многочисленные монографии. Но не нужно думать, что из художника сделали икону. По-прежнему вокруг его работ ломаются копы, разгораются жаркие споры. Одни утверждают – орнаменты Евстафия Павловича тяжеловесны, а рисунки перегружены деталями. Другие, что называется, насмерть стоят, защищая творчество Шильниковского. Значит, живет его наследие, оно не умерло и не устарело.

Еще будут, обязательно будут на «Северной черни» новые художественные открытия. Поиски не прекращаются ни на один день. Так называемый экспериментальный цех, где рождаются авторские, не имеющие аналогов работы, трудится не покладая рук. Вот только что принесли художнику уже готовый потир (стоимостью минимум 60 тысяч рублей). Готовый ли? Это еще вопрос. Вполне возможно, если художник обнаружит хотя бы микроскопический изъян. И это нормально.

Нынешние художники – не станем их называть учениками Шильниковского, поскольку творчество каждого индивидуально и абсолютно неповторимо – профессионалы высочайшие. Хотя одно качество они, безусловно, унаследовали от великолепной плеяды мастеров трех с лишним столетий – верность традициям великоустюгской черни. А таковой больше нет ни в России, ни в мире. Как, впрочем, и завода.

